

DOI: 10.17803/1729-5920.2020.164.7.009-023

А. В. Корнев*

Система и структура российского законодательства: прошлое, настоящее и уроки для будущего¹

Аннотация. Статья посвящена развитию системы и структуры российского законодательства в пространственно-временном континууме. Показана определяющая роль экономических, а более широко — социальных факторов, в конечном счете определяющих вектор развития права. Ставится под сомнение идея о якобы самодостаточности права, которое развивается по своим собственным законам. Подобная точка зрения стала доминировать в отечественной юридической науке в последние годы. В западной научной традиции она существует уже достаточно давно. Подобная методологическая платформа вписывается в общий контекст постмодерна, в рамках которого объективная реальность подменяется представлениями о ней. В этой связи необходимость доказывания каких-либо взглядов отпадает сама по себе, ибо любые мнения объявляются равновеликими. Аргументируется тезис о необходимости изучения права в контексте причинно-следственных связей между правовыми и социальными факторами. Предпринята попытка обосновать положение о том, что экономическая реформа, проведенная в нашей стране посредством приватизации и залоговых аукционов, ближайшей своей целью ставила не экономический рост, а перераспределение собственности, ставшей основой сначала олигархического, а затем бюрократического российского капитализма, одинаково бесперспективного в настоящем и обозримом будущем. Под эту задачу, то есть перераспределение собственности, и формировалась система законодательства под непосредственным руководством западных, преимущественно американских, аналитических центров. Закономерным итогом этой политики стал сырьевой, к тому же офшорный, характер экономики. Отмечается, что пандемия серьезно повлияла на систему ценностей и ориентиров общественного развития. В силу этого неизбежно встанет вопрос о смене парадигмы общественного развития. Прежние экономические, политические, социальные и правовые доктрины, которые воспринимались преимущественно некритически, утратят свою силу и уже никогда не будут интеллектуальной основой эволюции. Прогнозируется ориентация национальных государств на максимальное обеспечение спроса внутреннего рынка. Интеграция России в мировую экономическую систему, идея которой доминировала в нашей стране, оказалась полностью несостоятельной, как и мифы о глобализации в целом. В этой связи неизбежна трансформация системы и структуры российского законодательства. Развитие правовой системы России должно быть нацелено на решение внутренних проблем, что, разумеется, не означает изоляции страны.

Ключевые слова: глобализация; законодательство; кризис; право; правовая система; структура; технологии; цифровые технологии; урбанизация; экономика.

Для цитирования: Корнев А. В. Система и структура российского законодательства: прошлое, настоящее и уроки для будущего // *Lex russica*. — 2020. — Т. 73. — № 7. — С. 9—23. — DOI: 10.17803/1729-5920.2020.164.7.009-023.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-16114.

© Корнев А. В., 2020

* Корнев Аркадий Владимирович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993

kornev_av@rambler.ru

The System and Structure of Russian Legislation: Its Past, Present and Lessons for the Future²

Arkadiy V. Kornev, Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Theory of the State and Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
kornev_av@rambler.ru

Abstract. The paper is devoted to the analysis of the development of the system and structure of the Russian legislation in the space-time continuum. The author demonstrates the defining role of economic, and more widely—social—factors, ultimately determining the vector for the development of law. The paper questions the idea of the supposed self-sufficiency of law that develops in compliance with its own rules. In recent years this approach has dominated the domestic legal science. In the Western doctrine, this approach has existed for quite a long time. Such a methodological platform fits into the general context of postmodern, where objective reality is replaced by preconceptions about it. In this regard, the need to prove any approach disappears because all opinions are declared to be equal. The author substantiates the statement concerning the necessity of studying law in the context of causal relations between legal and social factors. The analysis made by the author attempts to justify the fact that the economic reform carried out in Russia by means of privatization and shares-for-loans auctions was not aimed at economic growth. The objective of the reform was to redistribute property, which became the basis of first oligarchic and, later, bureaucratic Russian capitalism, equally unpromising in the present and foreseeable future. To meet this objective, i.e. to redistribute property, a system of legislation was formed under immediate control of Western, mainly American, analytic centers. That policy resulted in creating the economy based on raw materials and off-shores. It is noted that the pandemic has seriously affected the system of values and benchmarks of social development. Therefore, the issue of a shift in the paradigm of social development will inevitably arise. The economic, political, social and legal doctrines of the past that were perceived largely uncritically, will lose their strength and will never be the intellectual basis of evolution. The author anticipates the orientation of nations at maximizing the demand of the domestic markets. Russia's integration into the world economic system, the idea of which used to dominate in Russia, proved completely untenable, as did the myths of globalization in general. In this regard, the transformation of the system and structure of the Russian legislation is inevitable. The development of Russia's legal system should be aimed at solving internal problems, which, of course, does not mean isolation of the country.

Keywords: globalization; legislation; crisis; law; legal system; structure; technology; digital technologies; urbanization; economy.

Cite as: Kornev AV. Sistema i struktura rossiyskogo zakonodatelstva: proshloe, nastoyashchee i uroki dlya budushchego [The System and Structure of Russian Legislation: Its Past, Present and Lessons for the Future]. *Lex russica*. 2020;73(7):9—23. DOI: 10.17803/1729-5920.2020.164.7.009-023. (In Russ., abstract in Eng.).

На фоне общемирового кризиса, связанного с COVID-19, заметно упал градус дискуссий о благах глобализации, мировом порядке, основанном на четком разделении сфер влияния, рыночной экономике, правах человека, демократии, вселили технологий и прогрессивном развитии человечества на пути к всеобщему благоденствию и счастливому будущему. Внезапно выяснилось, что современный человек со всеми достижениями, знаниями, открытиями и технологиями всего лишь... пища для бактерий и вирусов. Теория эволюции учит нас, что выживают отнюдь не сильнейшие, а приспособляющиеся. А это микробы, вирусы, паразиты. Да и среди человеческой популяции паразитирую-

щие граждане не редкость, особенно сегодня. Такой персонаж выведен Ильей Ильфом и Евгением Петровым в «Золотом теленке», как и в «Двенадцати стульях» — откровенно антисоветском произведении, благосклонно принятом обществом и, что самое удивительное, властью. Имя этого персонажа — Михаил Самуэлевич Паниковский, он настолько гениально сыгран З. Гердтом, что зритель невольно начинает ему симпатизировать буквально с первых минут его появления на экране. Великий комбинатор Остап Бендер на могиле Паниковского произносит речь-диагноз (разумеется, с социологической точки зрения): «Я часто был несправедлив к покойному. Но был ли покойный нравствен-

² The reported study was funded by RFBR according to the research project № 18-29-16114.

ным человеком? Нет, он не был нравственным человеком. Это был бывший слепой, самозванец и гусекрад. Все свои силы он положил на то, чтобы жить за счет общества. Но общество не хотело, чтобы он жил за его счет. А вынести этого противоречия во взглядах Михаил Самуэлевич не мог, потому что имел вспыльчивый характер. И поэтому он умер. Всё!»³.

Как пишут в романах, «прошли годы...», и реинкарнация паниковских и бендеров стала заметным социальным явлением.

Если совсем серьезно, то приходится признаться в иллюзорности «символов веры» человека современной цивилизации — комфорт, потребление, технологии. Всё это квалифицировалось как следствие глобализации, которая при некоторых недостатках ведет человечество к процветанию.

А ведь подобная точка зрения формировалась не сегодня. Вот что по этому поводу писал проницательный В. Зомбарт: «Сильному прогрессу техники мы обязаны и еще одной особенностью духа нашего времени: сильной переоценкой материальных предметов. Мы быстро разбогатели, мы привыкли к миру, техника обезопасила нас от ужасов чумы и холеры; что удивительного, если низкие инстинкты человека — удовлетворение беспрепятственным наслаждением, любовь к комфорту и привольному житью — далеко превысили идеальные стремления. Стадо мирно пасется на жирном пастбище»⁴.

Используя библейский образ (стадо), видный социолог как бы очерчивает будущие контуры общества потребления, в котором техника гарантирует безопасное существование. Мир, как мне кажется, поверил в «легкость бытия» и сегодня наказан за свою собственную инфантильность.

Вот как, например, еще относительно недавно характеризовали глобализационные процессы: «Вектор этих изменений — глобализация технологических, экономических, социальных и культурных процессов, ведущая к столкновению и переплетению различных типов цивилизаций (от самых архаических до наиболее развитых) и выявляющая смысл фундаментальных обще-

человеческих ценностей, которые лежат в основе современного общества»⁵. Иными словами, процессы глобализации должны переломать традиционные культуры, присущие различным странам, и привести к каким-то общим идеалам, мировоззренческим ориентирам. Таким образом, впереди нас ждут общие стандарты, которые минимизируют вероятность больших цивилизационных столкновений.

Представляется, что более реалистичную картину мира видел Самюэль Хантингтон. Он полагал, что после окончания холодной войны основными игроками на поле мировой политики остаются национальные государства. Их поведение, как и в прошлом, определяется стремлением к могуществу и процветанию. С. Хантингтон прогнозировал в ближайшей перспективе доминирование Запада, который желает сохранить место самой могущественной цивилизации. И все же его могущество по отношению к другим цивилизациям сейчас снижается. В то время как Запад пытается утвердить свои ценности и защитить свои интересы, не-западные стоят перед выбором. Некоторые из них предпринимают попытки подражать Западу, присоединиться к нему и слиться с ним. Другие, конфуцианские и исламские общества стремятся наращивать свою экономическую и военную мощь, чтобы противостоять Западу, создавая достойный противовес. Центральной осью политики мира после холодной войны является, таким образом, взаимоотношение западной мощи и политики с мощью и политикой не-западных цивилизаций⁶.

Современная геополитика задана отношениями США — Китай. Противники-союзники слишком увязли в экономиках друг друга. Доля США в мировом ВВП примерно 23,5 %⁷, Китая — 16,4 %. Сегодня США полностью контролируют мировую финансовую сферу, а Китай — торговую. Российская Федерация с ее 1,85 % выглядит более чем скромно, особенно по сравнению с прошлыми периодами нашей истории. Сталинский СССР производил около 20 % мирового ВВП. В годы так называемого застоя ежегодный рост составлял 3,5—4 %. Сегодня мы об этом можем только мечтать. Нетрудно

³ Ильф И., Петров Е. Двенадцать стульев. Золотой теленок. М., 1988. С. 523.

⁴ Зомбарт В. Буржуа. М., 2009. С. 383.

⁵ Кулешов С. В., Медушевский А. Н. Россия в системе мировой цивилизации. М., 2001. С. 14.

⁶ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2005. С. 17, 26.

⁷ Бухгалтерские ухищрения самих США и данные мировых рейтинговых агентств, к сожалению, не позволяют считать этот показатель абсолютно правильным.

догадаться, что экономическое бессилие нашей страны суть последствия смены общественно-экономического строя, последующих «реформ» и «оптимизаций», проведенных на вполне легальных, юридических основаниях. По недоразумению, видимо, не до конца успели оптимизировать сферу здравоохранения. Уже счастье. Боремся с пандемией более-менее успешно. Как говорится, спасибо и за это.

Немного истории, или как формировалась система законодательства Российской Федерации. В 2000 г. правительство США подало иск более чем на 100 млн \$ против ведущего гарвардского экономиста Андрея Шлейфера, обвинив его в том, что он пытался извлечь личную выгоду, руководя программой иностранной помощи России. В гражданском иске был упомянут и Гарвард, который курировал проект приватизации в России в 1990-е гг. Опустим суть претензий, остановимся на главном — на том, как США переделывали нашу страну по своим рецептам.

Итак, команда Шлейфера за несколько недель разработала планы по продаже 15 тыс. государственных предприятий, в рамках которых 150 миллионам российских граждан нужно было раздать ваучеры, удостоверяющие их права на акции. Агентство Соединенных Штатов по международному развитию (USAID) в 1992 г. выделило Институту международного развития (Institute for International Development) при Гарвардском университете 2,1 млн \$ на поддержку приватизации. В течение следующих пяти лет объем контрактов Института международного развития с USAID вырос до 57 млн \$. И самое главное: «...Гарвардскому университету достались гранты на *реформирование юридической системы России* (выделено мной. — А. К.) и создание рынка капитала»⁸.

В это трудно поверить, но это так. Лично знаю некоторых юристов, которые были привлечены американцами для создания фактически новой правовой системы для реформирующейся России. По одному источнику делать выводы опрометчиво. Лучше всего такую информацию перепроверить, хотя это и так секрет полишинеля. Просто неудобно признаваться, что иностранные советники вели себя в нашей стране, как в какой-то колонии.

Сведения о формировании российской системы права в условиях смены обществен-

но-экономического строя можно извлечь и из другого источника. Джульетто Кьеца, известный журналист, бывший депутат Европейского парламента, в одной из своих книг воспроизводит признания Джеффри Сакса, еще одного руководителя группы американских советников. В США против него также были выдвинуты серьезные обвинения в том, что он заработал очень большие деньги в России и не заплатил с этой суммы налоги в полном объеме. В бюджет США, разумеется. В изложении Дж. Кьеца признания Сакса выглядят следующим образом: «Если хотите хоть немного представить себе климат ельцинской эпохи и американское к ней отношение, то учтите, что из Гарварда *российскому правительству посылали факсом проекты законов, написанные уже по-русски* (выделено мной. — А. К.), для воплощения в экономической политике, под заголовком “Правительственные распоряжения и декреты”»⁹.

Американцы долларизировали Россию, посылая с согласия правительства Гайдара, превратившегося в их протекторат, десятки грузовых «Боингов-747», загруженных под завязку новенькими, только что отпечатанными купюрами. Огромная масса долларов направлялась затем в Центральный банк в целях реализации конвертируемости рубль-доллар. Эта система позволяла уводить миллиарды долларов за границы России без уплаты таможенных сборов. Назначение министров и даже руководителей крупных предприятий производилось только с согласия «Вашингтонского обкома».

Ну и наконец, еще один заслуживающий внимания источник. Джозеф Стиглиц, лауреат Нобелевской премии 2001 г. по экономике, экономический консультант администрации Б. Клинтона, главный экономист Всемирного банка, академический ученый, одну из своих книг назвал «Глобализация: тревожные тенденции». Пятая глава этой книги названа симптоматично «Кто потерял Россию?». Он пишет, что программа стабилизации — либерализации — приватизации, разумеется, не была программой роста. Она была нацелена на создание предварительных условий для роста. Вместо этого она создала предварительные условия для деградации. Опустошение, выраженное в потерях ВВП, было большим, чем Россия испытала во Второй мировой войне. В период 1940—1946 гг. промышленная продукция в Советском Союзе

⁸ Валянский С. За какие идеи мы умираем. М., 2005. С. 285—287.

⁹ Кьеца Дж. Война империй. Восток — Запад. М., 2006. С. 82.

сократилась на 24 %. За период 1900—1999 гг. промышленное производство России упало почти на 60 % — даже больше, чем ВВП (54 %). В целом же приватизация, сопровождаемая открытием капиталов, была задумана не для создания богатства, а для легального перераспределения активов. По сути, назначенные властью олигархи за гроши присваивали активы стоимостью в миллиарды, стремясь, естественно, вывести деньги из страны¹⁰.

Итак, можно подвести некоторые итоги по первому этапу становления новой системы права и системы законодательства, которая формировалась с начала 1990-х гг. и условно до 2000 г.

Экономическая реформа, которая ассоциируется в российском обществе со словом «приватизация», задумывалась и была проведена не для того, чтобы создать точки роста, как это имеет место в тех странах, где ее проводили именно в этих целях, а для перераспределения капиталов и последующего вывода из страны.

Печальным итогом приватизации стала деиндустриализация страны, закрытие высокотехнологичных производств, массовые увольнения высококвалифицированных рабочих, техников, инженеров. Десятки тысяч ученых были вынуждены покинуть страну в поисках работы. Как правило, все они были востребованы, поскольку получили хорошее образование и практику в различных КБ, НИИ и на опытных предприятиях. Стали говорить об «утечке мозгов» (явление явно медицинского свойства). Этот процесс, видимо, имел место у тех, кто проводил реформы. Общество же столкнулось с утечкой умов (социальный факт). Кстати, большевики выслали на двух «философских пароходах» около 200 человек. В основном это были представители гуманитарного направления в науке. Так что потери тогда и сегодня несоизмеримы. Не будем забывать, что всего через 12 лет после окончания Великой Отечественной войны (1957 г.) был запущен первый искусственный спутник, а через 16 лет (1961 г.) наша страна отправила первого человека в космос. И этот первый человек был советским. Пятидесятилетие покорения космоса свелось в основном (2011 г.) к личности Ю. А. Гагарина, пожалуй самого знаменитого человека XX столетия, который затмил своей популярностью актеров, музыкантов, политиков и спортсменов, вместе взятых. Но дело не только в Гагарине. Он был всего лишь первым. На его месте мог оказаться и Титов, и Николаев.

Фокусирование внимания на Гагарине должно было оттенить главное, а этим главным была *системная победа советского проекта*, который не только показал свою конкурентоспособность, но и имел все шансы лидировать. Сегодня эта роль досталась Китаю. Впрочем, почему досталась? Это результат обдуманной, взвешенной политики. Наша страна является для восточного соседа печальным примером.

Произошли серьезные изменения в структуре российского общества в связи с исчезновением пролетариата и крестьянства, поскольку они являлись самыми массовыми классами, объединяющими миллионы людей. Кроме того, «реформы» привели к масштабной убыли населения, особенно славянского этноса. В иные годы исчезал миллион и более человек. В России сегодня существенно нарушен паритет между мужским и женским населением. М. Тэтчер — кумир наших либералов, которую печатный орган Министерства обороны СССР «Красная Звезда» впервые именовала «железной леди», — в интервью журналу «Экономист» высказала идею о сокращении численности населения России до 15 млн человек, с тем чтобы превратить территорию в кладовку для «золотого миллиарда». Ведь только разведанные природные ресурсы в нашей стране составляют около 40 % от мировых.

В значительной степени произошла деградация сферы образования и здравоохранения. Собственно говоря, их уровень — один из самых высоких в мире — давал некогда повод для законной гордости. Рейтинги, индексы, цитирования есть только платформа для интеллектуального воровства. У нас, гуманитариев, мало что можно украсть. Духовные продукты не особенно востребованы рыночными структурами. А в какое положение поставлены физики, математики, химики, биологи и другие ученые? Остается только сожалеть. Кому нужна статья какого-нибудь доцента областного педагогического вуза, прошу прощения, в «мировом образовательном пространстве», за которую еще потребуют плату, превышающую его доходы, иногда за несколько месяцев. Брать кредит, чтобы пройти очередной конкурс? Все понимают абсурдность сложившейся практики, но все остается как прежде.

Увы, можно и дальше подводить неутешительные итоги 90-х гг. Однако самое печальное состоит в том, что все эти разрушительные про-

¹⁰ Стиглиц Дж. Глобализация: тревожные тенденции. М., 2003. С. 176—177.

цессы протекали на вполне законных, но отнюдь не легитимных основаниях. Иностранные юридические центры писали для нас законы, Верховный Совет, а затем Государственная Дума их принимали. Если они вдруг проявляли строптивость, страна переходила на режим «указного права», формируемого Администрацией Президента. Б. Н. Ельцин в силу известных причин не всегда мог вникнуть в суть подготовленного проекта. В последний день уходящего 1999 г. он все-таки согласился уйти в отставку и, садясь в бронированный лимузин, произнес загадочную для него фразу «Берегите Россию!». На тот момент от России уже мало что осталось, а сама она шла к самоликвидации. Некоторые наши политики высказывали предложения передать ядерное оружие и атомные электростанции под международную юрисдикцию во избежание катастрофических последствий в условиях политической энтропии.

Наступил 2000 г., символический с позиции нумерологии, и самый вероятный сценарий не состоялся. Вольно или невольно мы опять обращаемся к роли личности в истории. В. В. Путин, ставленник Ельцина, а стало быть, олигархии, «пришел к власти, гарантировав неприкосновенность Бориса Ельцина и его семьи»¹¹, осторожно, неявно, продуманно, как и положено настоящему разведчику, сумел остановить процесс уничтожения страны и вернуть ей статус государства, обладающего заметной политической субъектностью. Усиление России стало для Запада неприятной неожиданностью. Он ожидал от Путина продолжения курса Ельцина — Гайдара, но этого, к счастью, не произошло. И кто после этого в КГБ бросит камень? Хотя задним числом смельчаков оказалось не так уж и мало.

С первого президентского срока начинается новый период нашей истории. К сожалению, страна пока не избавилась от патологических последствий рождения российского капитализма — кажется, наиболее уродливой формы организации социальной жизни на планете. Раньше мы хотя бы кивали на Латинскую Америку. Там, дескать, еще хуже. Оказывается, и в этом регионе сегодня происходят серьезные перемены. В России всё по-старому. Мерно работают нефтяные качалки, огромная масса людей пребывает (пребывала) в охранниках, офисах,

косметических салонах и фитнес-клубах. «Капитаны» бизнеса, как и раньше, переводят активы в зарубежные банки. Для людей, не занятых в производственной сфере, даже придумали специальный термин — прекариат.

В России, кажется, и время течет по-другому. Мы привыкли объективировать жизнь в различных форматах, как бы откладывая ее на потом, когда все «устроится». В качестве таких вот форматов и способов организации социальности во всех ее проявлениях у нас выступает революция и контрреволюция; реформы и контрреформы, коллективизация, индустриализация, демократизация, капитализация и пр.

Глядя на фотографии прошлых лет и на лица актеров, можно делать обоснованные социологические выводы. Когда страна на подъеме, у людей другие глаза, другие эмоции. В них читается жажда жизни и радость от осмысленной, приносящей удовлетворение тебе и всем окружающим общественно полезной деятельности.

Совсем иное дело, когда не понятно ничего. Целей нет. «Планов громадьё», как сказал поэт, не просматривается. Впрочем, не так давно выбросили в народ лозунг «Догнать и перегнать Португалию». Правда, быстро сняли его с повестки дня. Интересно, как бы на это отреагировал П. А. Столыпин с его надеждой сделать Россию великой¹². Я уже не говорю о Сталине. Раньше хотя бы старались догнать и перегнать Америку. Даже станки производились под этой маркой, что порой давало повод для иронии: «Два плаката на автостраде с интервалом в километр. Первый “Догоним и перегоним Америку...” Второй: “В узком месте не обгоняй!”»¹³.

«Трудно менять, ничего не меняя. Но мы будем!» (М. М. Жванецкий). Именно по этой причине в России так любят говорить о погоде. С этой темы начинают ухаживать за женщинами, здороваются с коллегами, поддерживают разговор, когда нет общих интересов и т.д. Погода меняется, и это вносит хотя бы какую-то новизну в нашу действительность. Сей факт не раз и не два отражен в произведениях классиков великой русской литературы.

Конечно, говоря о застойности, я имею в виду прежде всего ту экономическую модель, которая существует в нашей стране. Да и государство у нас производит впечатление частной собственности бюрократии.

¹¹ Попов В., Къеза Дж. Россия и Европа в сумерках капитализма. М., 2009. С. 119—120.

¹² Петр Столыпин о России. М., 2010.

¹³ Довлатов С. Соло на ундервуде. Соло на IBM. СПб., 2006. С. 102—103.

Разумеется, отдельный вопрос — право. Нельзя забывать, что экономические отношения порождают право. В этой связи с К. Марксом трудно спорить: «Во все времена государи вынуждены были подчиняться экономическим условиям и никогда не могли предписывать им законы. Как политическое, так и гражданское законодательство всего только выражает, протоколирует требование экономических отношений»¹⁴.

Политический класс, победивший в 1993 г. посредством расстрела из танков Верховного Совета, юридически оформил свою победу принятием Конституции 1993 г. Она стала правовым основанием для дальнейшего перераспределения собственности посредством приватизации, залоговых аукционов и других схем. Под это, собственно говоря, в конечном счете и формировалась система права и законодательства Российской Федерации. Права человека, конституционализм, равенство — скорее прикрытие, чем реальность. Ги Дебор, французский художник и философ, общество уподобил спектаклю. Вот что он пишет: «В обществах, достигших определенного уровня развития производства, вся жизнь проявляется как огромное нагромождение *спектаклей*. Всё, что раньше переживалось непосредственно, отныне отнесено в представление»¹⁵.

А. Г. Дугин одну из своих книг назвал «Социология воображения. Введение в структурную социологию». Признаться, я не сразу принял такое название, ибо убежден, что социологичной может быть только реальность. С другой стороны, привычные интерпретации категорий, включая научные, меняются. Действительность сегодня нередко подменяют представлениями о ней. Виртуальный мир всё чаще интерпретируют в качестве «дополненной реальности». «Нет больше зеркальности, — пишет Жан Бодрийяр, — между бытием и его отображением, между реальным и его концептом... Речь идет о... подмене реального знаками реального...»¹⁶.

Возникает законный вопрос: относится ли это к правовой сфере? Думаю, что да, относится. *Цифровое право, цифровые права, цифро-*

вая экономика — чем не симулякры и подмена сущего представлением о нем. Цифровые права квалифицируют как дистанционное выражение лицом своей воли с помощью электронных и других технических средств. Это приравнивается к простой письменной форме сделок. Впрочем, к этому вопросу мы еще вернемся.

Итак, Конституция Российской Федерации 1993 г. явилась юридическим фундаментом для формирования правовой системы¹⁷. В соответствии с ее ст. 15 Конституция РФ имеет высшую юридическую силу, прямое действие и применяется на всей территории Российской Федерации. Законы и иные правовые акты, принимаемые в Российской Федерации, не должны противоречить Конституции РФ.

Система права и система законодательства как составные части правовой системы постоянно находятся в развитии. Факторы, которые обуславливают этот процесс, имеют как объективный, так и субъективный характер. Порой создается впечатление, что субъективное доминирует над объективным. По большому счету, такого быть не должно, однако.

Система есть совокупность элементов, находящихся в отношениях и связях между собой и образующих определенную целостность, единство. Понятие системы органически связано с понятиями «целостность», «подсистема», «элемент», «структура», «связи», «отношения». Структура — это строение и внутренняя организация системы, выступающая как единство устойчивых взаимосвязей между элементами, а также законов данных взаимосвязей¹⁸.

Системность и, соответственно, структурность присуща многим явлениям. Утрачивая целостность и единство, система деградирует и в конце концов разрушается. Создается впечатление, что наиболее юридизированное представление о системе сформулировано Т. Парсонсом: «Наиболее общее и фундаментальное свойство системы — это взаимозависимость ее частей или переменных. Эта взаимозависимость основывается на существовании определенных отношений между частями или переменными, что противоположно случайной вариабельно-

¹⁴ Цит. по: Антология мировой правовой мысли : в 5 т. М., 1999. Т. 3. С. 419.

¹⁵ Дебор Ги. Общество спектакля. М., 2018. С. 24.

¹⁶ Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции. М., 2015. С. 6, 7.

¹⁷ Вопрос о легитимности этой Конституции не закрыт до настоящего времени. Это как раз тот случай, когда все всё понимают, но деликатно избегают этой темы. Как в английской поговорке: «В тревожные времена умные люди предпочитают помалкивать».

¹⁸ Философский словарь. М., 1981. С. 329, 354, 355.

сти. Другими словами, взаимозависимость — это порядок в отношениях между компонентами, входящими в систему. Этот порядок должен обладать тенденцией к самосохранению, что наиболее обобщенным способом выражено в понятии равновесия»¹⁹.

В последнее время, в условиях «методологического плюрализма», объектами критики стали многие привычные подходы. Под удар попало системное и структурное построение права. Аргументация авторов, как правило, небогата: устарело, не нужно, не имеет практического значения, у них (в смысле — в других странах) этого нет и пр. Давно и всё настойчивее слышатся призывы к отказу от отраслевого выстраивания системы права и системы законодательства. Правда, ничего серьезного не предлагается взамен. Вот в чем проблема. Рушить-то мы научились. С созиданием трудности. Вместо отраслевого подхода предлагается деление права на частное и публичное. Во-первых, что здесь нового? И во-вторых, различие между частным и публичным, свойственное романо-германской правовой системе, постепенно стирается. Она фактически имеет место в доктрине. На практике этого давно уже нет. Эти структурные общности — частное и публичное право — своего рода дань традиции. Опыт преподавания в МГЮА дает некоторую пищу для размышлений, в том числе в плане «нарезки» учебных дисциплин и, главное, их содержания. Мы же в России изучаем не **право**, как принято в западной традиции, а **законодательство**. Студенты старших курсов нередко сетуют на то, что одни и те же институты права, а точнее — законодательства, изучаются в рамках различных предметов. В этом я вижу серьезную проблему. Речь идет вовсе не о том, чтобы не изучать законодательство и практику его применения. Однако следует учитывать эмпирически выявленный факт, а именно за пять лет большинство отраслей российского законодательства меняется полностью. На их изучение затрачены, а может быть, и угроблены тысячи часов учебного времени.

В условиях нашей реальности нужны новые подходы. Необходимо из области законодательства все-таки смелее входить в сферу права, а оттуда в смежные отрасли знания и социальные практики. Так мы можем лучше подготовить будущих юристов.

В этой связи представляет интерес мнение американского юриста и экономиста, судьи и старшего преподавателя Школы права Чикагского университета, одного из ведущих в мире специалистов по «экономическому анализу права» — Ричарда Познера, по одной из версий — самого цитируемого юриста XX в. Он отмечает, что в традиционном юридическом образовании внимание сосредоточено на практической стороне. Особое внимание уделяется анализу законов, а в системе прецедентного права — прежде всего анализу судебных решений, изучению характеристик основных правовых доктрин, профессиональным ценностям, а также все чаще приобретению навыков выступления в суде и ведения переговоров. Однако юридическое образование и юридическая мысль в целом в последние годы стали более междисциплинарными и, как следствие (поскольку по сравнению со смежными или пересекающимися с нею областями юриспруденция всегда испытывала недостаток теории), более «теоретическими». Теория права стала незаменимой составляющей юридической мысли потому, что она способна навести мосты между различными дисциплинами. «Нам нужна такая теория, прежде всего для того, — пишет он, — чтобы ответить на фундаментальные вопросы о правовой системе, потому что в отличие от знания о том, как ориентироваться *внутри* системы, она является знанием именно о системе...»²⁰.

Может сложиться впечатление о том, что в моей интерпретации речь идет о такой науке и учебной дисциплине, как теория государства и права. Вовсе нет. Лично я понимаю теорию права шире. *Только отраслевые теории в своей совокупности и могут создать то, что принято называть общей теорией права*. Наибольший вклад в создание теории права внесли цивилисты. До революции это С. А. Муромцев, Г. Ф. Шершеневич, в советский период — О. С. Иоффе, С. С. Алексеев и др. С моей точки зрения, нужно больше обращать внимание на теоретические проблемы, коих в каждой отраслевой науке и учебной дисциплине достаточно. По факту студент сдал экзамен, включающий одну редакцию закона (кодекса), получил диплом, приступил к практической деятельности, а уже все изменилось. Прав Познер: ориентироваться в системе и знать систему совсем не одно и то же.

¹⁹ Парсонс Т. О структуре социального действия. М., 2002. С. 546—547.

²⁰ Познер Р. Рубежи теории права. М., 2017. С. 6, 20, 21.

Право в качестве самого универсального социального регулятора может выполнять свои функции при условии сохранения целостности системы и взаимосвязи между ее элементами. В работах ученых-юристов, особенно представителей отраслевых наук, не всегда проводится различие между системой и структурой. На первый взгляд эти методологические нюансы не кажутся столь важными, поэтому позволительно их опустить. Это, конечно же, не так. Представляется, что система должна рассматриваться в горизонтальных связях между элементами, а структура — в вертикальных. Это касается как системы права, так и системы законодательства.

Система права служит для выражения подразделений, связей и единства правовых норм, их внутренних взаимозависимостей и системы в целом²¹. С. С. Алексеев под системой законодательства понимал систему нормативных юридических актов. Система законодательства отличается глубоким единством, органической целостностью. В то же время система законодательства характеризуется внутренней расчлененностью, дифференцированностью. Систему законодательства, образующие его подразделения необходимо с предельной четкостью отличать от системы самого права, его отраслей, иных структурных образований. В системе законодательства, по его мнению, необходимо различать горизонтальную и вертикальную плоскости.

Горизонтальная плоскость — это как раз та плоскость, которая наиболее близка к структуре права. Именно в данной плоскости можно различать отрасли законодательства.

Собственная структура законодательства выражается в иерархическом построении нормативных юридических актов, в их соподчинении, при котором каждый акт занимает строго определенную ступень в иерархической структуре. Главным признаком, определяющим место того или иного акта в иерархической структуре, является его юридическая сила²².

Реформирование экономики в некоторых европейских странах, а также в юго-восточных, начиналось с правовой реформы. Иными словами там, где они должны были дать качественный рост экономики, и, как следствие, — подъем благосостояния населения. У них эта задача была успешно решена. У нас, в России, нет.

В экономической сфере, как показывает опыт, государство при помощи права, основного средства социального регулирования:

- создает правовые основы рыночной экономики, то есть разрабатывает и принимает базовые законы и кодексы: гражданский, налоговый, торговый, законы о предприятиях и т.д.;
  - формирует надежную банковскую систему и обеспечивает максимальную конвертируемость национальной валюты;
  - обеспечивает цивилизованные формы конкурентной борьбы, в интересах потребителя товары производятся в жесткой связке цена — качество;
  - восполняет недостатки рыночной экономики. Это выражается в финансировании науки, образования, здравоохранения и пр.
- В целях реализации этих задач формируется система права и система законодательства.

Разумеется, эти направления нуждаются в оговорках. Каждая страна проводит свою политику реформирования, если ей это, конечно, позволяют сделать самостоятельно. За правилами игры присматривают Всемирный банк, МВФ, Федеральная резервная система и прочие структуры. Ослушников жестоко наказывают. Причем как страну, так и персонально. Примеров не счесть. В Китае, к слову, относительно недавно появились негосударственные банки. Такая политика проводилась для того, чтобы исключить любую возможность увода капиталов из страны. Большинство банков России, особенно в лихие девяностые, только для этого создавались. Никакого реального, полномасштабного финансирования промышленности и сельского хозяйства не осуществлялось. Причем при любых проявлениях кризиса наша власть по-прежнему спасает почему-то банки. Разумеется, им нужно помогать, но только при условии, что они выполняют те функции, которые вытекают из их предназначения. Далее, что касается правового регулирования конкуренции и ограничения монополизма. Нужно учиться у наших «учителей» — США, которые всем навязывают идеалы свободной торговли, при этом проводят политику протекционизма. И нам нужно защищать своего производителя. Необходимо стремиться к тому, чтобы покупка импортного товара расценивалась как нечто неприличное. А как иначе? Понимаю, что граж-

²¹ Васильев А. М. Правовые категории. М., 1976. С. 166.

²² Алексеев С. С. Общая теория права. М., 2009. С. 444—447.

дане с серьезными демократическими отклонениями будут возмущаться. Другого пути нет.

Наконец, о недостатках рыночной системы. Не перестаю восхищаться анонимным автором, который придумал эвфемизм «рыночная экономика». Согласен, что «надувательство» в филологическом плане неэстетично. На этом фоне лозунг «Экономика должна быть экономной» выглядит просто вершиной экономической мысли.

Так называемый рынок держится на идеологии прибыли. Правда, рыночные структуры можно принудить на какое-то время оторваться от процесса *take money*. Строго говоря, филантропические наклонности, как правило, не свойственны акулам бизнеса. Если кто-то и бывает замечен в благотворительности, то нередко за этим скрываются рекламные сообщения. Однако в некоторых странах, например, НИОКР на 35—40 % финансируются бизнес-структурами. Да, просто так никто не будет вкладывать деньги, тем более «длинные деньги». Тем не менее патриотизм, помноженный на желание когда-нибудь получить прибыль, лежат в основе здорового экономически ориентированного поведения.

Смена общественно-экономической формации коренным образом изменила как систему права, так и систему законодательства. Эти изменения коснулись количественных и качественных показателей. К моменту развала СССР насчитывалось едва ли 10—12 отраслей права. Сегодня ситуация принципиально иная.

Назвать в настоящее время хотя бы ориентировочное количество отраслей российского права не представляется возможным. Приводятся разные цифры: от 50 до 100 и даже больше. Что интересно, порой наименование этих отраслей ничего, кроме улыбки, не вызывает. Допустим, спортивное право. Ничего не имею против. Не лучше ли назвать «законодательство в сфере спорта» или «регулирование отношений в сфере спорта»? Для краткости решили назвать так, имея в виду отрасль права. Но уже приходилось видеть монографии с такими названиями — «Лыжное право», «Волейбольное право», «Футбольное право». Едва ли не в каждой отрасли права успели придумать что-то свое, «новое». Процесс принимает откровенно гротесковый характер. Даже студенты смеются, когда в рамках учебного курса «Проблемы теории права» мы рассуждаем о системе пра-

ва и системе законодательства и тенденциях их развития. Когда спрашиваешь, чем можно объяснить декларирование новой отрасли права, то наиболее типичный ответ такой: «Надо защитить кандидатскую или докторскую диссертацию. Практике это мало что дает». Иными словами, во мнениях студентов выражается плохо скрываемая ирония.

Стартовала процедура укрупнения научных специальностей, и не только в области юридических наук. Вполне может быть, что она хотя бы как-то скажется на инициативе потенциальных «отцов и матерей» сомнительных со всех точек зрения «новых» отраслей права. Выходя из здания МГЮА, однажды увидел объявление: «Такого-то числа в... состоится встреча с депутатом Государственной Думы (не помню — действующим или бывшим) на тему “Перспективы формирования жилищно-коммунального права”». Как принято говорить, комментарии излишни.

Призывы отказаться от отраслевого построения российской системы права и системы законодательства освободят от необходимости доказывать, что такое-то право уже сформировалось и его нужно принимать как данность. Да и деление права на частное и публичное, о котором упоминалось, сегодня уже не столь очевидно не только потому, что многие отрасли российского законодательства имеют смешанный характер, но и по другим причинам.

Едва ли можно оспорить мнение о том, что «наиболее явным свидетельством плюрализма современной социальной реальности является дихотомия частной (*private*) и общественной (*public*) жизни... Ситуация, когда человеку приходится постоянно переключаться от одного жизненного мира к другому, приводит к тому, что ни один из них более не кажется ему абсолютным»²³. Подобная точка зрения имеет юридизированный характер в том числе. Хотя проблема, которой посвящена цитируемая книга, далека от права.

Нам следует основательно разобраться с тем категориальным аппаратом, который прочно утвердился в современной системе коммуникаций. Считается, что именно они являются сегодня факторами правообразования и правотворчества. Прежде всего это касается таких понятий, как цифровая экономика, цифровизация права, информационная экономика, цифровые права.

²³ Цит. по: Узланер Д. Конец религии? История теории секуляризации. М., 2019. С. 73.

Итак, цифровая экономика по одной из версий — это экономическая деятельность, которая базируется на цифровых технологиях²⁴. Цифровая экономика является результатом технологического развития, а ее теория (есть, оказывается, и такая) — плод теории информационного общества и информационной экономики.

Дж. Стиглиц, который 22 апреля 2020 г. назвал США «страной третьего мира» в силу абсолютной неготовности к пандемии, смотрит на то же самое несколько иначе. Он говорит об «экономике информации». Я вижу здесь принципиальную разницу с информационной экономикой. Далее, ключевым словом в определении «цифровая экономика» является «деятельность». Полагаю, что деятельность в экономической сфере плодотворна тогда, когда она приводит к созданию новых стоимостей. Очевидно, что информация есть только средство, ресурс, который используется в этом процессе. К примеру, великие скрипичные мастера — Страдивари и Гварнери держали в секрете состав лака, которым они покрывали свои бессмертные скрипки. Это разве не информация? *Да и потом, давайте восстановим нормальную экономику, а потом будем витийствовать о цифровой.* Цифровая форма информации оптимизирует обмен данными, значительно упрощает создание продуктов, но вовсе не подменяет их. Хлеб сам по себе для человека важнее сведений о том, как его можно делать. И это, конечно же, важно. Но тем не менее. В условиях самоизоляции при помощи телефона и Интернета можно оформить пропуск, опять же «цифровой пропуск». Он дает тебе право передвигаться в географическом пространстве в течение определенного времени. Но это все равно право (правомочие), оформленное с использованием современных технологий.

Представляется, что терминологическая неразбериха в определяющих категориях, подмена реального представления о нем и порождает нормы, подобные ст. 141.1 ГК РФ²⁵. Позволю себе процитировать ч. 1 этой статьи: «Цифровыми правами признаются названные

в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам. Осуществление, распоряжение, в том числе передача, залог, обременение цифрового права другими способами или ограничение распоряжения цифровым правом возможны только в информационной системе без обращения к третьему лицу». Возникают ассоциации с навигатором: «Маршрут построен». ГК отсылает к закону (к какому — не сказано. Их у нас масса, как в системе горизонтальных связей, так и вертикальных (структура)). Закон отсылает к правилам информационной системы, а от нее опять к закону, поскольку он устанавливает признаки информационной системы. И почему информационная система должна отвечать признакам? Слово «признак» явно не к месту.

Информационные системы предназначены для хранения, поиска и обработки информации. Они классифицируются по архитектуре, по степени автоматизации, по характеру обработки данных, по масштабности и т.д. У нас только государственных информационных систем (ГИС) более 100. Кроме того, могут быть муниципальные и иные информационные системы²⁶. Спрашивается, как во всем этом разобраться? Понятно, что это мертворожденная норма и работать она, скорее всего, не будет. Во-первых, большой риск состоит в самой процедуре «дистанционно выражать свою волю». Во-вторых, у нас треть населения не имеет доступа к Интернету. О каком цифровом равенстве может идти речь в этих условиях? Да и потом, создается впечатление некоторой искусственности всего того, к чему нас за последние годы пытаются приучить. В научных изданиях не принято цитировать стихи. Но велико искушение привести слова поэта:

*«Аналоговое или цифровое»? —
Нажмите клавишу от одного до пяти,
Живое или неживое —
Как нам ответ найти?
Цифровую или аналоговую
Любовь выбирать пора!*

²⁴ Основы цифровой экономики / под ред. М. И. Столбова, Е. А. Бренделевой. М., 2018. С. 10.

²⁵ Гражданский кодекс Российской Федерации. Части первая, вторая, третья и четвертая. По состоянию на 20.02.2020. М.: Проспект, 2020. С. 141.

²⁶ Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 21.07.2014) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». Кроме законов, еще существует множество ведомственных приказов и инструкций.

*Выстриженная наголо
Голова тычется пальцем
В экран!
Аналоги и цифры,
Как шестеренки катятся
Разобранных часов.
Рифму к цифре
Подбирает Матрица!
Аналоговая или цифровая
Жизнь, зажата в тиски, никого и никогда
Не может,
Не должна
На этот свет произвести!²⁷*

Складывается впечатление, что человек постепенно превращается (его превращают) в приложение к «машине», без которой ему всё труднее реализовать свои права, интересы и выполнять обязанности. Всё больше людей начинают осознавать зависимость от быстро формирующейся информационно-коммуникативной среды. Фактически мир идет к бесконтактной социальной среде. Пандемия, как я полагаю, только ускорит этот процесс.

Что же можно вывести в качестве итогов и уроков на будущее в части дальнейшего развития системы права и системы законодательства? Главное состоит в том, что экономическая реформа в нашей стране была ориентирована не на рост, а на распределение некогда общенародной собственности. Смена собственности не привела к процветанию, как было обещано, и не могла. Частная собственность самая эффективная, не устают нам повторять. Это невозможно никак доказать. Многие экономисты считают, что эффективность собственности не зависит от ее формы (вида). Главное состоит в том, как ее используют, как ею управляют. Мы никак не хотим признать, что в экономике могут играть очень важную, а иногда определяющую роль неэкономические факторы. Например, мотивация поведения. В 1943 г. было произведено 15 696 танков «Т-34» (43 машины в день). Люди работали иногда в лютый мороз, зачастую без стен, только под крышей. Сегодня не могут наладить производство масок. Причем прошло несколько месяцев с момента угрозы эпидемии, затем пандемии. Спрос колоссальный, предложения достаточного нет. И где же волшебная палочка под названием «рынок»? Маски у нас преимущественно продают в магазинах, а не аптеках.

Пора прекратить заниматься мифотворчеством. По данным МВФ, доля США в мировом ВВП в 1990 г. составляла 26,1 %, СССР — 12,1 %. Это результат печальной памяти руководства страной М. С. Горбачевым. До 1985 г. экономика СССР была второй после США (по паритету покупательной способности). А в послевоенный период до конца 60-х она развивалась так, что даже показатели самых развитых стран были гораздо скромнее.

Сегодня система права и система законодательства зеркально отражает бесперспективную, застойную, офшорную экономику. Она, собственно говоря, и создана-то при помощи права (закона). Мы живем с ощущением того, что право ведет исключительно к прогрессу и процветанию. Но это далеко не так. Закон — инструмент. Например, можно менять правовой режим земель, лесов, водных объектов и пр. Так называемая дачная амнистия что-то дала обладателям шести соток и щитовых домиков. Но рассчитана она была на легализацию элитной недвижимости, расположенной на землях с/х назначения или лесного фонда. Эти постройки фактически были незаконны, а стало быть, никаких юридических последствий не порождали. Отсюда и инициатива нашего парламента.

Какая экономика, такое и право. В связи с COVID-19 мировая экономика оказалась в кризисе. Российская не исключение. Однако не все страдают в этой ситуации. Академик РАН С. Глазьев 9 октября 2019 г. был уволен с должности помощника Президента РФ в связи с тем, что он последовательно критиковал либеральный курс правительства Д. А. Медведева и ЦБ. Буквально на днях произошел невиданный случай, а именно ЦБ попросил Министерство экономического развития ограничить информационную активность бывшего помощника Президента, ныне министра ЕЭК (Евразийская экономическая комиссия). Публичный донос связан с тем, что Глазьев постоянно возвращается к теме налога на валютные спекуляции. Спекулянты, как истые стервятники финансового капитализма, используют колебания нефтяных цен для манипулирования курсом рубля в целях вывода капитала за границу. С. Глазьев прямо обвинил ЦБ в преднамеренном обвале курса рубля в марте текущего года. Оказывается, защищать интересы страны нехорошо, а потворствовать спекулянтам — благо.

²⁷ Литературная газета. 20—26 ноября 2019. № 47 (6714).

Хотим мы этого или нет, но по факту российская правовая система скорее тормозит экономическое развитие страны. Точнее так: примитивная сырьевая российская экономика детерминирует правовую систему. Они находятся в причинно-следственных связях. По оценке Deutsche Bank, при цене 15 долл. за баррель Urals средств Фонда национального благосостояния хватит максимум на два года. В России существует, прямо скажем, удивительная схема наполнения бюджета. Российские граждане платят подоходный налог в размере 13 %. Причем десятки миллионов, с которых и налог-то брать должно быть стыдно. В то же время десятилетиями из страны уводятся астрономические суммы в офшоры под символические 2 %.

Есть и еще один урок. Мы долгие годы надеялись войти в европейские структуры, вплоть до того, что вели переговоры о вступлении России в НАТО. Было отказано. И понятно почему. Включать потенциального врага нет никакой необходимости. Однако мы с упорством, достойным лучшего применения, приспособляли свою правовую систему под евростандарты. Ничего хорошего из этого не получилось и не могло получиться. Тем не менее жалеть об этом сегодня нет никаких оснований. Пандемия обнажила пороки ЕС. На поверку европейская солидарность оказалась пустышкой. Каждая страна предпочитает выживать самостоятельно. Ведущие европейские экономики — ФРГ и Франция — не спешат протягивать руку помощи своим коллегам. У самих большие сложности. Англия давно осознала проблематичность нахождения в ЕС. Она выплачивала в бюджет этой организации больше, чем получала. Общий дефицит платежей с 1973 г. по 2000 г. составил 27 323 млрд фунтов стерлингов²⁸. За последующие 20 лет дефицит увеличился еще больше. Конечно, все понимают, что более всего за судьбы Евросоюза переживают те, кого туда приняли относительно недавно. Это страны Восточной Европы и Балтии. Их экономики скорее пострадали, чем приобрели. Население этих стран более всего ценит возможность беспрепятственной трудовой миграции. Скорее всего, это останется в прошлом. Трудоустроить уехавших и вернувшихся в тех же странах Балтии не получится. Названные страны полностью деиндустриализованы, за исключением Литвы, которая всегда специализировалась преимущественно

на сельском хозяйстве. Одним словом, судьба всевозможных союзов туманна.

Многие аналитики предсказывают крах ЕС и НАТО. Думаю, что этого не случится. Слишком сильны страхи европейцев перед мнимыми и очевидными угрозами.

В 50-е, 60-е гг. XX в. ЮНЕСКО по уровню и качеству образования СССР ставила на третье место в мире. Сейчас эта организация констатирует катастрофический обвал качества образования в нашей стране. Но ведь это же последствия реформ, оптимизации важнейшей сферы общества. Образование и наука — факторы конкурентоспособности страны. Опять же, реформирование было проведено в соответствии с законом.

Здравоохранение. Тут и так всё понятно. Не удалось добыть советское наследие, поэтому худо-бедно боремся с вирусом.

Таким образом, есть все основания сомневаться в правильности выбранного (пока не очень понятно — кем, но только не российским обществом в своей основной массе) вектора развития. Главный показатель — как живут люди. Опять же, в своей основной массе они живут хуже, чем раньше. Достаточно сравнить показатели индекса человеческого развития, куда входят три показателя: продолжительность жизни, доля ВВП на душу населения и качественные показатели в сфере образования и здравоохранения. И всё становится на свои места. Приятно видеть пуски ракет нового поколения, взлеты военных самолетов, ввод в эксплуатацию новых станций метро, спуски на воду военных кораблей и ледоколов. Это всё очень хорошо. Но всё было бы значительно лучше, если сменить абсолютно не отвечающую интересам населения страны экономическую политику. Когда страна победит коронавирус, необходимо ставить вопрос о контрреформах.

Нам все время говорят о каких-то прорывах. Но, строго говоря, их нет. Во внутренней политике практически ничего не меняется. Структура экономики остается прежней. Мир переходит уже к VI технологическому укладу. Доля России в сфере высоких технологий составляет 0,2—0,3 %. Что касается внешней политики, то и здесь одни проблемы. Дело не в Крыме. Воссоединение с Россией абсолютно оправданный шаг во всех смыслах этого слова. Думаю, что заслуга Президента Российской Федерации В. В. Путина поистине историческая, эпохаль-

²⁸ Хаггер Н. Синдикат. История мирового правительства. М., 2009. С. 124.

ная. Вопрос скорее можно адресовать прежним руководителям. Если уж решили выйти из состава СССР, то выходите с той географией, с какой вошли в 1922 г. и позже. Та же Украина вошла с относительно скромной территорией, а вышла с огромной по европейским меркам. Да и Казахстана это касается, и те только. Так надо было ставить вопрос. Однако наша изоляция и потеря союзников в международных структурах связана не с этим. Советский проект имел огромную притягательную силу в виде колоссального социального эксперимента с преимущественно позитивными результатами. А сейчас нам особенно нечего предъявить миру.

После спада пандемии, если этому суждено случиться, необходимо много что переосмыслить. Менять нужно почти всё, может быть даже возвращаясь к прежним моделям. Разумеется, с учетом современных реалий. Это касается и правовой сферы. Очевидно, что модель «государство-фирма» приказала долго жить. Это фирма ориентируется в своей деятельности на получение прибыли. У государства

несколько иные задачи. Сейчас государство (власть) держит серьезный экзамен. От того, как оно его выдержит, зависят его политические перспективы.

Р. С. Некогда студент Петр Столыпин сдавал экзамен комиссии, в составе которой был Д. И. Менделеев — гениальный химик, экономист, социолог. Его книга «К познанию России» просто шедевр. Так вот, Менделеев задавал будущему реформатору вопросы один за другим и неизменно получал исчерпывающий ответ. Остановился Менделеев, как он потом вспоминал, только тогда, когда ему пришла в голову мысль: «Господи! Что я делаю, остановись!» Рождение подлинных реформаторов, по всей видимости, закономерный акт истории. П. А. Столыпину заокеанские советники были не нужны. «Дайте нам двадцать лет спокойствия, и Вы не узнаете России».

Отдаю себе отчет в том, что личность П. А. Столыпина несколько мифологизировали. Нам сегодня явно не хватает фигур такого масштаба. Он любил Россию, стремился сделать ее сильной, а потому и был убит.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Алексеев С. С. Общая теория права. — М., 2009. — 576 с.
2. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции. — М., 2015. — 240 с.
3. Валянский С. За какие идеи мы умираем. — М., 2005. — 512 с.
4. Васильев А. М. Правовые категории. Методологические аспекты разработки системы категорий теории права. — М., 1976. — 264 с.
5. Дебор Ги. Общество спектакля. — М., 2018. — 220 с.
6. Довлатов С. Соло на ундервуде. Соло на IBM. — СПб., 2006. — 256 с.
7. Зомбарт В. Буржуа. — М., 2009. — 576 с.
8. Ильф И., Петров Е. Двенадцать стульев. Золотой теленок. — М., 1988. — 608 с.
9. Кулешов С. В., Медушевский А. Н. Россия в системе мировой цивилизации. — М., 2001. — 776 с.
10. Кьеза Дж. Война империй. Восток — Запад. — М., 2006. — 320 с.
11. Маркс К. Нищета философии. Антология мировой правовой мысли : в 5 т. — М., 1999. — Т. 3. — 829 с.
12. Основы цифровой экономики / под ред. М. И. Столбова, Е. А. Бренделевой. — М., 2008. — 238 с.
13. Парсонс Т. О структуре социального действия. — М., 2002.
14. Петр Столыпин о России / сост.: К. И. Могилевский, К. А. Соловьев. — М., 2010. — 336 с.
15. Познер Р. Рубежи теории права. — М., 2017. — 480 с.
16. Попов В., Кьеза Дж. Россия и Европа в сумерках капитализма. — М., 2009. — 288 с.
17. Стиглиц Дж. Глобализация: тревожные тенденции. — М., 2003. — 300 с.
18. Узланер Д. Конец религии? История теории секуляризации. — М., 2019. — 240 с.
19. Философский словарь. — М., 1981. — 445 с.
20. Хаггер Н. Синдикат. История мирового правительства. — М., 2009. — 496 с.
21. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. — М., 2005. — 603 с.

Материал поступил в редакцию 30 апреля 2020 г.

REFERENCES

1. Alekseev SS. Obshchaya teoriya prava [General Theory of Law]. Moscow; 2009. (In Russ.)
2. Bodriyyar J. Simulyakry i simulyatsii [Simulacra and Simulation]. Moscow; 2015. (In Russ.)
3. Valyanskiy S. Za kakie idei my umiraem [For what ideas we die]. Moscow; 2005. (In Russ.)
4. Vasilyev AM. Pravovye kategorii. Metodologicheskie aspekty razrabotki sistemy kategoriy teorii prava [Legal categories. Methodological aspects of the development of the system of categories of the theory of law]. Moscow; 1976. (In Russ.)
5. Gee D. Obshchestvo spektaklya [The Society of Performance]. Moscow; 2018. (In Russ.)
6. Dovlatov S. Solo na undervude. Solo na IBM [Solo on underwood. Solo on IBM]. St. Petersburg; 2006. (In Russ.)
7. Zombart V. Burzhua [Bourgeois]. Moscow; 2009. (In Russ.)
8. Ilf I, Petrov E. Dvenadtsat stulev. Zolotoy telenok [Twelve Chairs. The Golden Calf]. Moscow; 1988. (In Russ.)
9. Kuleshov SV, Medushevsky AN. Rossiya v sisteme mirovoy tsivilizatsii [Russia in the system of world civilization]. Moscow; 2001. (In Russ.)
10. Chiesa G. Voyna Imperiy. Vostok—Zapad [War of Empires. East — West]. Moscow; 2006. (In Russ.)
11. Marks K. Nishcheta filosofii. Antologiya mirovoy pravovoy mysli : v 5 t [Poverty of Philosophy. Anthology of World Legal Thought: in 5 vol.]. Vol. 3. Moscow; 1999. (In Russ.)
12. Stolbov MI, Brendeleva EA, editors. Osnovy tsifrovoy ekonomiki [Fundamentals of digital economy]. Moscow; 2008. (In Russ.)
13. Parsons T. O. strukture sotsialnogo deystviya [On the structure of social action]. Moscow; 2002. (In Russ.)
14. Mogilevskiy KI, Solovyov KA. Petr Stolypin o Rossii [Peter Stolypin about Russia]. Moscow; 2010. (In Russ.)
15. Posner R. Rubezhi teorii prava [Barriers of the Theory of Law]. Moscow; 2017. (In Russ.)
16. Popov V, Chiesa G. Rossiya i Evropa v sumerkakh kapitalizma [Russia and Europe in the Twilight of Capitalism]. Moscow; 2009. (In Russ.)
17. Stiglitz J. Globalizatsiya: trevozhnye tendentsii [Globalization: Disturbing Trends]. Moscow; 2003. (In Russ.)
18. Uzlaner D. Konets religii? Istoriya teorii sekulyarizatsii [End of religion? History of the Secularization Theory]. Moscow; 2019. (In Russ.)
19. filosofskiy slovar [Philosophical Dictionary]. Moscow; 1981. (In Russ.)
20. Hagger N. Sindikat. Istoriya mirovogo pravitelstva [Syndicate. History of the World Government]. Moscow; 2009. (In Russ.)
21. Huntington S. Stolknovenie tsivilizatsiy [The Clash of Civilizations]. Moscow; 2005. (In Russ.)